

ТЕМА ЖИЗНИ И СМЕРТИ В РАССКАЗАХ А.Е. НОВОСЕЛОВА*М.П. Гребнева***Ключевые слова:** рассказ, жизнь, смерть, смысл, бессмыслица.**Keywords:** short story, life, death, meaning, nonsense.**DOI 10.14258/filichel(2020)1-07**

В «Очерках русской литературы Сибири» отмечалось, что в первом произведении А.Е. Новоселова «Катка», «в этом психологически точно написанном этюде нетрудно уловить настроения, родственные чеховским рассказам» [Очерки, 1982, т. 1, с. 540], что в рассказе «Экзамен» «молодому писателю оказалась особенно близкой художественная манера Льва Толстого, по примеру которого он старался проникнуть во внутренний мир героев, в сложные движения человеческой души» [Очерки, 1982, т. 1, с. 541].

М.В. Шиловский подчеркивал, «что знакомые с его творчеством говорили об Александре Ефремовиче как о будущем сибирском Льве Толстом» [Шиловский, 2007, с. 194].

В.П. Трушкин писал, что в первых произведениях А.Е. Новоселова «есть что-то от художественной манеры и особенно настроений чеховских рассказов» [Трушкин, 1985, с. 170]. В связи с «Жабьей жизнью» он упоминал о том, что «весь рассказ построен, как почти всегда у Новоселова, на психологически точных и художественно емких деталях» [Новоселов, 1981, с. 172].

Повести и рассказы Новоселова действительно по-чеховски лаконичны и емки, насыщены психологическими подробностями, связаны с современной автору жизнью, посвящены разным темам – старообрядчества [Гребнева, 2004], природы [Гребнева, 2013], земного и небесного [Гребнева, 2002], преступления [Гребнева, 2017], но среди них есть и такие, которые, будучи традиционно психологическими, обращены к философской теме жизни и смерти. В них автор предстает не только как психолог, но и как философ. Возможно, это связано и с чеховской традицией, представленной, например, в «Скучной истории», где герой переосмысливает «свою прошлую жизнь перед лицом смерти» [Бердников, 1984, с. 208] и с толстовской традицией, например, в рассказе «Три смерти», обращенном к «вечной проблеме жизни и смерти» [Одинокое, 1978, с. 20] или «Смерти Ивана Ильича» – повести «о самом больном и тревожащем человека, о самом близком и

таинственном: о жизни и смерти, о смысле и бессмыслице жизни» [Маймин, 1978, с. 151].

Рассказы «Экзамен (1910) и «Легкая жизнь» (1909) посвящены жизненным судьбам несостоявшихся интеллигентов – Николая Андреевича Климова и диакона-расстриги Андрея.

Климов находится в самом начале своего жизненного и педагогического пути, он – *«юноша лет девятнадцати, прошлогодного выпуска»* (Новоселов, 1981, с. 186)¹. Его представления об учительском поприще проверяются в столкновении *«то с атаманами, то с попечителем, то с целым обществом»* (Новоселов, 1981, с. 187), и юный учитель готов от этого плакать.

Его намерения предстают благими, так как он не желает уподобляться окружающим его людям, пытается выполнять, хотя бы мысленно, свои непосредственные обязанности: *«Не позволю на экзамене соваться со своими идиотскими вопросами ни атаману, ни попечителю, а есаула тоже в рамки поставлю»* (Новоселов, 1981, с. 187). Он предполагает, как не пригласит их в свою квартиру, не будет подличать и раболепствовать перед ними, заказывая самовар для них.

Однако на самом деле незваные гости оказываются в его жилище, а он сам *«водрузивши на стол коробку с папиросами и пару пива»* бежит, именно бежит, *«к соседке, у которой столовался, распорядиться насчет чая»* (Новоселов, 1981, с. 189), а затем напивается *«по-настоящему, по-здешнему»* (Новоселов, 1981, с. 191).

Интересно, что герой, в отличие от автора рассказа, называет все происходящее с ним в этот момент жизнью: *«Потянуло куда-то вдаль, захотелось жизни, смеха, одиночество стало пугать, – и Климов был рад компании»* (Новоселов, 1981, с. 192).

Вечерняя вакханалия сменяется описанием ночи, которая вызывает в сознании и душе Климова мысли о настоящей жизни, не имеющей ничего общего с тем, в чем он принимал участие только что. Описание природы призвано продемонстрировать, что есть и другая жизнь, настоящая: *«Что-то мятежное было в этой ночи, как бывает ранней весной, когда прет черная земля, выгоняя к солнцу молодые сочные побеги, и наполняет воздух одуряюще-острым ароматом, когда еще не распустились пахучие смолистые почки, когда впереди еще все – самая жизнь»* (Новоселов, 1981, с. 197).

У героя есть и образец для подражания, кумир – Алексей Андреевич Глушин, на которого он мечтал быть похожим и к которому

¹ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на тексты из списка источников, приведенного в конце статьи.

он обращается со словами: *«Знаешь, в семинарии еще живет о тебе память. Я все мечтал, как бы встретиться с тобой, посмотреть, как ты живешь, поучиться у тебя...»* (Новоселов, 1981, с. 198). Память живет, а Глушин, как выясняется, смирился с подобием жизни: *«Слышу, где-то рядом, совсем близко, кипит жизнь, а попасть туда не могу. Плакал, брат, горькими плакал, все рвался, тянулся, карабкался, а потом прижился»* (Новоселов, 1981, с. 198). Слова *жизнь, прижился, живет, жил* становятся лейтмотивными и в рассказе, и в творчестве Новоселова.

Повествуя о себе, Глушин предсказывает дальнейшую судьбу Климова, однако его душа, которую он почитал умершей, вдруг проснулась и ей *«стало душно, тесно, невыносимо больно»* (Новоселов, 1981, с. 199). Понимая безысходность своего положения, герой плачет: *«Из крепко закрытых глаз его неудержимо катились слезы, сбегали по морщинам щек, уходили в сено»* (Новоселов, 1981, с. 200). Мотив слез сближает Климова и Глушина, показывает их отличие от атамана, заведующего станцией. Однако они, и старый и молодой, сдают экзамен перед жизнью, и оба его не выдерживают.

Диакон Андрей в рассказе «Легкая жизнь» так же, как и Климов, когда-то учился в семинарии, был студентом, принимал участие в забастовке, за что и был изгнан *«с волчьим билетом»* (Новоселов, 1981, с. 183). Это обстоятельство стало началом духовного конца, духовной смерти.

Бывший студент становится псалмопевцем, диаконом, находится в подчинении у отца Григория и оказывается не только в религиозной среде, но и в среде скотоводов. Новоселов не щадит служителей божьих, рассказывая об их пьянках, дебошах, святотатствах, в которых принимают участие и местные «интеллигенты» – Иван Никитич Коновалов, *«владелец нескольких участков, между прочим, торгующий мелочью, а главным образом – скотовод»* (Новоселов, 1981, с. 171), Василий Павлович Понявин, занимающийся «маслом», скотовод Фрол Алексеевич Джибулин, старшина местного судоходного участка и другие. Общие ценности манифестирует Джибулин: *«Пусть наша жизнь будет легка, пусть возьмем мы от нее все хорошее!»; Ждет нас неглубокая яма, холодная, сырая... Так вытьем же за жизнь полную и легкую!»* (Новоселов, 1981, с. 176).

Диакон ломается под напором обстоятельств, перед желанием вкусно есть, говоря словами Глушина, он приживается. *«Захочешь кушать, продашь себя вместе с потрохами»* (Новоселов, 1981, с. 183), – говорит священник.

Мысленно, как и Глушин, герой обращается к своей прошлой жизни, вспоминает Леночку Бочевскую, чудную девушку, *«ту далекую светлую, дорогую молодость»*, когда *«держал же он свое знамя высоко и крепко»* (Новоселов, 1981, с. 177). Священник предполагает, что и героиня могла оказаться в похожей ситуации, что и ее жизнь неотличима от смерти: *«Если и она уже тонет в необъятном болоте, если тоже попала в такую трещину жизни, в которой гибнет одинаково слабый и сильный, разве с той только разницей, что первый гибнет с опущенными руками и опошлевшей в трусости душой, а второй – с криком желания жить...»* (Новоселов, 1981, с. 177).

Диакон понимает, что он гибнет «с криком желания жить». За это отец Григорий его ненавидит, *«сердится»* (Новоселов, 1981, с. 172), награждает *«гордым молчанием»* (Новоселов, 1981, с. 174), бабушка, по словам автора, *«внушительно, вместе со стулом отвернулся»* (Новоселов, 1981, с. 178).

Прошлая высокодуховная жизнь противопоставляется бездуховному существованию, равносильному смерти в настоящем не только главного героя, но и скотовода Ивана Никитича Коновалова, который покупает шкуры больных чумой животных по дешевой цене, Василия Павловича Понявина, «царя и бога» соседних киргизских волостей, его дочери, Клавдии Васильевны Понявиной, которую диакон сравнивает с животным, отца Григория, которого Джибулин называет «батей», который обирает прихожан и разбойничает.

Только в состоянии опьянения Андрей способен выплеснуть свою ненависть на тех, от кого зависит его материальное благополучие: *«Вы думаете, человек свободен в том, как устраивать свою жизнь, что он свободен в этом? Пусть! Это хорошо! Но за какую такую легкую жизнь вы пьете? Как вы ее понимаете? Как свинья на капустной гряде...»* (Новоселов, 1981, с. 178); *«Свинья, у которой под рылом ежедневно стоит полное корыто, счастлива не менее вас всех <...> Да... она тоже находит свою жизнь легкой, цель достигнутой и больше у нее нет желаний...»* (Новоселов, 1981, с. 180). Герой сравнивает окружающих его людей с животными, забывая только, что он сам ничем не отличается от них.

Полнота человеческой жизни недостижима для диакона, он способен только резонировать, как героини драмы А.П. Чехова «Три сестры»:

Маша: *«Надо жить... Надо жить...»* (Чехов, 1985, с. 301).

Ирина: *«<...> а пока надо жить... надо работать, только работать!»* (Чехов, 1985, с. 301).

Ольга: *О, милые сестры, жизнь наша еще не кончена. Будем жить!»* (Чехов, 1985, с. 301).

Диакон: *«Как мне хочется жить! Я люблю жизнь. Как она прекрасна! Что такое жизнь, Клавдия Васильевна, вы знаете, что такое жизнь? Я хочу ее! Ну, говорите же что-нибудь, смейтесь! Будем жить, жить, жить!»* (Новоселов, 1981, с. 184).

Его исповедь перед Понявиной не нашла отклика: *«Такое же животное... нет, это именно животное!»* (Новоселов, 1981, с. 184). У Чехова Андрей Прозоров, тезка диакона, сравнивает свою жену с животным: *«Она честная, порядочная, ну, добрая, но в ней есть при всем том нечто принижающее ее до мелкого, слепого, этакое шаршавого животного»* (Чехов, 1985, с. 292–293).

Итог несбыточным надеждам священника подводит Джибулин: *«Сволочь ты, Андрюшка, ей богу. Пить, брат, пей, а умом не заедай... Надебоширил, как скот...»* (Новоселов, 1981, с. 185).

Надежда на возрождение Новоселова и его героя и в этом рассказе связана не с людьми, а с природой, окружающей их. В ней заключается правда и желание жить: *«Широко раскрытыми глазами смотрел он [диакон – М.Г.] на ту сторону реки, где стоит в тумане густой и темный лес»* (Новоселов, 1981, с. 181), *«Как после долгого ненастья, блеснул у него в душе яркий теплый луч, казалось, что запахло испарениями черной, усеянной цветами земли, и дышать хотелось полной грудью»* (Новоселов, 1981, с. 181), *«начинался обычный, скучный и длинный день, хотя солнце говорило о красивой полной жизни и прыгавшие по двору воробьи уже пользовались ею, выражая во всех своих движениях горячее желание жить»* (Новоселов, 1981, с. 185).

Произведения о жизни, которая ничем не отличается от смерти, а живые люди в них – от мертвцов, соседствуют в творчестве Новоселова с произведением, в котором человек стремится к возрождению, оживлению мертвого. Речь идет о рассказе «Смерть Атбая» (1911), который посвящен извечному желанию человека преодолеть смерть.

При жизни главный герой, чьим именем названо произведение, *«прогрел своим богатством и умом»* (Новоселов, 1981, с. 200). Казалось, что у него есть все, что может пожелать человек: материальные блага, жена, дети, но вот он *«берет себе еще двух жен»* (Новоселов, 1981, с. 201). Берет их, не считаясь, по-видимому, в первый раз с мнением и со слезами своей первой жены Карип. Если исходить из религиозных представлений персонажей Новоселова, в Атбая вселяется шайтан, добавим, вселяется еще при жизни. Он становится носителем зла, злого начала. В мусульманской мифологии шайтан – дух зла, сатана, дьявол. Каждого человека сопровождают

ангел и шайтан, побуждающие его соответственно к добрым и нечестивым поступкам. В герое возобладали темное начало, и он наказан смертью. Атбай умирает насильственной смертью от руки своего сына Дюсюпа. Убитый герой не находит успокоения в могиле, в потустороннем мире, мире мертвых, его мучает шайтан, он просится наружу, в мир живых. По словам Дюсюпа, *«он просится, он требует, и он имеет на то право»* (Новоселов, 1981, с. 208).

Дюсюп не отличим в этом рассказе от шайтана, он готов на подкуп, убийство отца, истязания брата и все это ради денег: *«Он уже чувствовал в себе достаточно силы потягаться с самым опасным соперником, уже стал привыкать к мысли о близком, почти неограниченном господстве – и вдруг эта скверная история с покойником»* (Новоселов, 1981, с. 208). Сын мечтает вбить кол в грудь отца и тем самым успокоить его, умертвить вторично. С этим намерением старшего сына не согласна Карип, в которую, на первый взгляд, также вселяется злой дух, поскольку она мечтает раскопать могилу мужа и выпустить его на волю, то есть оживить.

Мать превращается, по словам младшего сына Садвакаса, в сумасшедшую, дикую кошку, животное, *«страшное в своей безумной ярости»* (Новоселов, 1981, с. 210). Она напоминает дьявола и ведьму одновременно: *«на лице ее застыл беззвучный дьявольский смех, глаза, как угли чернотала, метали искрами безумия, и вся она была точь-в-точь как та старуха, о которой говорится в сказке»* (Новоселов, 1981, с. 210). Новоселов и в этом случае сравнивает свою героиню с животным, однако если эта метаморфоза и происходит, то не ради денег, а ради любви, ради того, чтобы восторжествовала справедливость, чтобы обидчик Карип и ее мужа, пусть он и является их родным сыном, был наказан.

Героиня у Новоселова наделяется силой, которая способна преодолеть все препятствия, даже смерть, ради достижения цели. Карип не идет, а бежит, хотя *«раньше пешком из аула не делала ни шагу»* (Новоселов, 1981, с. 210). В этом ей помогает дух, вселившийся в нее. Не случайно люди «обознались», признали в бегущей Карип призрак ее умершего мужа и пытались загнать его в могилу. Такой перевертыш для Новоселова легко объясним – Атбай не может отомстить за себя, не может выступить против несправедливости, но это может сделать его жена. Духовная обеспокоенность, а не жажда материальной наживы или привычного существования вместо настоящей жизни движет героиней.

Новоселов, без всякого сомнения, на стороне героини, обезумевшей от горя и от невозможности осуществления заветной

мечты – оживить мужа. Ее порыв – это стремление вырваться из области жалкого существования и оказаться в мире настоящих человеческих ценностей. Автору даже, может быть, и не важно, понимает ли это Карип или нет. Важно, чтобы это понял читатель.

Карип перед смертью, сблизившей ее с мужем (и с настоящей жизнью), успела выкрикнуть его имя и доказать гнавшимся за ней, что ловили они ради своих корыстных целей не ее мужа, а ее саму, не шайтана, якобы вселившегося в нее, а живого и продолжающего любить человека, вопреки измене мужа, взявшего себе еще двух жен, вопреки самой смерти Атбая и ее собственной смерти.

Смерть в произведениях А.Е. Новоселова многолика. В коротких по объему рассказах автору удается размышлять о вечном. Психологическая манера писателя особым образом проявляется в произведениях, посвященных самому главному. Новоселов немногословен, в его лаконичных сочинениях нет обширных внутренних монологов героев, но они поражают своей простотой. Так, в рассказах «Легкая жизнь» и «Экзамен» речь идет о судьбах людей, задумывающихся о жизни и смерти, а в рассказе «Смерть Атбая» содержатся не размышления на тему жизни и смерти, а описывается реальный поступок, способный преодолеть смерть. Жизнь может быть неотличимой от смерти, а смерть может стать катализатором или источником по-настоящему наполненной жизни. Претендующие на интеллигентность и образованность люди оказываются бессильными перед мыслью о смерти, а необразованная и слабая женщина предстает негибимой перед реальным концом.

Литература

- Бердников Г. А.П. Чехов. Идеиные и творческие искания. М., 1984.
- Гребнева М.П. Роль оппозиции «земное – небесное» в повести А.Е. Новоселова «Беловодье» // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул, 2002.
- Гребнева М.П. К теме старообрядчества в творчестве А.Е. Новоселова // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул, 2004.
- Гребнева М.П. Человек и природа в рассказах Г.Д. Гребенщикова и А.Е. Новоселова об Алтае // Современное общество, образование и наука. Тамбов, 2013.
- Гребнева М.П. Тема преступления в рассказе А.Е. Новоселова «Смерть Атбая» // Danish Scientific Journal. 2017. № 2.
- Маймин Е.А. Лев Толстой. Путь писателя. М., 1978.
- Одинокое В.Г. Поэтика романов Л.Н. Толстого. Новосибирск, 1978.
- Очерки русской литературы Сибири: в 2-х тт. Новосибирск, 1982. Т. 1.
- Трушкин В.П. Пути и судьбы. Иркутск, 1985.
- Шиловский М.В. Судьбы, связанные с Сибирью: Биографические очерки. Новосибирск, 2007.

Список источников

- Новоселов А. Беловодье. Иркутск, 1981.
Чехов А.П. Собрание сочинений: В 12-ти тт. М., 1985. Т. 10.

References

- Berdnikov G. A.P. *Chehov. Idejnye i tvorcheskie iskanija* [A.P. Chekhov. Ideological and Creative Searches]. М., 1984.
- Grebneva M.P. *Rol' oppozitsii «zemnoe – nebesnoe» v povesti A.E. Novoselova «Belovod'e* [The Role of the Opposition «Earthly – Heavenly» in the A.E. Novoselov's Novel *Belovodye*]. *Altayskiy tekst v russkoy kul'ture* [Altai text in Russian culture]. Barnaul, 2002.
- Grebneva M.P. *K teme staroobryadchestva v tvorchestve A.E. Novoselova* [On the Theme of the Old Believers in the A.E. Novoselov's Works]. *Altayskiy tekst v russkoy kul'ture* [Altai Text in Russian Culture]. Barnaul, 2004.
- Grebneva M.P. *Chelovek i priroda v rasskazakh G.D. Grebshchikova i A.E. Novoselova ob Altae* [Man and Nature in the Stories of G.D. Grebshchikov and A.E. Novoselov about Altai]. *Sovremennoe obshchestvo, obrazovanie i nauka* [Modern Society, Education and Scienc]. Tambov, 2013.
- Grebneva M.P. *Tema prestupleniya v rasskaze A.E. Novoselova «Smert' Atbaya»* [The Theme of the Crime in the A.E. Novoselov's Short Story *Death of Atbay*]. *Danish Scientific Journal*. 2017. No. 2.
- Maimin E.A. *Lev Tolstoj. Put' pisatelja* [Lev Tolstoy. The Path of the Writer]. М., 1978.
- Odinokov V.G. *Pojetika romanov L.N. Tolstogo* [Poetics of L.N. Tolstoy's Novels]. Novosibirsk, 1978.
- Ocherki russkoj literatury Sibiri* [Essays on Russian Literature of Siberia]. In 2 vols. Novosibirsk, 1982. Vol. 1.
- Trushkin V.P. *Puti i sud'by* [Ways and Destinies]. Irkutsk, 1985.
- Shilovsky M.V. *Sud'by, svjazannye s Sibir'ju: Biograficheskie ocherki* [Fates Associated with Siberia: Biographical Essays]. Novosibirsk, 2007.

List of sources

- Novoselov A. *Belovod'e* [Belovodye]. Irkutsk, 1981.
Chekhov A.P. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. In 12 vols. М., 1985. Vol. 10.